

падаютъ кастовые и сословные предразсудки, и когда люди другъ друга признаютъ за братьевъ, то въ сердцахъ такихъ людей, можно сказать, осознательно вѣеть благодать Христова, и, наконецъ, когда смягчаются фанатизмъ и ненависть другъ къ другу изъ-за религіозныхъ убѣжденій, то всѣ и заблуждающіеся, и не заблуждающіеся искренно стремятся къ истинѣ, которая, по слову Христа, освободить и объединить насть; но болѣе же всего, когда наши сердца будутъ согрѣты любовью, когда вѣра украсится плодами добродѣтели, — тогда только, по свидѣтельству ап. Иоанна, мы будемъ пребывать въ Богѣ и Богъ въ насть; ибо Богъ — любовь. Любовь же, какъ говоритъ другой ап.—Павелъ, никогда не умираетъ. Все же осталъное — преходяще, даже знаніе (многоученость) упразднится.

Но когда все это будетъ, — когда водворится царствіе Божіе на землѣ? когда и суды, и тюрьмы, и многія другія законныя учрежденія окажутся лишними и совершенно упразднятся? когда всѣ люди перекуютъ мечи на плуги, и миръ, возвѣщенный ангелами виолеемскимъ пастухамъ, водворится среди народовъ? Тогда, отвѣчаетъ слово Божіе, когда люди будутъ жить по заповѣдямъ Христовымъ. Для Толстого и нѣкоторыхъ сектантовъ подобныя „времена уже близки“. Но въ дѣйствительности „миръ еще во злѣ лежитъ“. Законъ Христовъ рѣетъ гдѣ-то еще высоко надъ міромъ. До сихъ поръ мы не перестаемъ нарушать его. До сихъ поръ Церковь Христова непрестанно возносить свои молитвы къ Богу о томъ, чтобы законы имѣли силу, правители — мудрость и нелицепріятіе, и чтобы Духъ Божій почилъ надъ всѣми людьми.

Таковы факты и противорѣчія дѣйствительной жизни. Поэтому весьма интересно прослѣдить, какъ рѣшается Толстой данныя противорѣчія жизни въ своемъ новомъ романѣ, — собственно прослѣдить за дѣйствіями его главнаго героя кн. Нехлюдова, котораго авторъ сдѣлалъ послѣдователемъ своей теоріи жизни...

На нѣкоторое время серьезные разговоры прекратились. Быть поданъ чай, и большая часть компаний, для отдыха и разнообразія, перекидывались шутками, остротами, смѣхомъ, послышался снова звукъ гитары и віолончели; кто-то сталъ пѣть; ему подтаячивали сдержанно женскіе голоса. Черный